

тов между субъектами международного права будет все время возрастать. Внешняя политика удовлетворяет строго определенные потребности государства. Суть их заключается в том, что интересы государства могут быть наиболее полно реализованы, если его внешняя политика будет наиболее объективно отражать потребности развития и интересы общества.

Итак, дипломатическая деятельность правительства Республики Ангола с момента ее провозглашения в 1975 г. направлена прежде всего на защиту своей независимости, государственного суверенитета и создание благоприятных условий для развития национальной экономики. Основные усилия дипломатической службы в последнее время были сосредоточены на "внутренней дипломатии", направленной на прекращение гражданской войны. Для укрепления авторитета молодой республики на международной арене немаловажное значение будет иметь качество и уровень подготовки национальных дипломатических кадров.

¹ Правда. 1985. 12 ноября.

² Protocolo de Lusaka. Lusaka, 1994. P.28.

³ Законы Ману / Пер. Эльмановича. СПб., 1913. Гл. VI. §67 (царь).

А.В.ШАВЦОВА

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАРОДА, НАЦИИ, ГОСУДАРСТВА

Как феномен, отражающий определенное состояние государства, народа, нации, суверенитет складывается в ходе исторического развития, приобретая на разных этапах свои особенности.

В научной правовой литературе недавнего прошлого проблеме суверенитета уделялось немало внимания. Однако в этих работах анализировались главным образом проблемы государственного суверенитета СССР, его сочетания с суверенитетом союзных республик, модели реализации суверенитета в зарубежных государствах.

Новые очертания проблема суверенитета приобрела в конце 80-х – начале 90-х гг., когда развернулась дискуссия о методах реализации союзными республиками права на выход из состава Союза ССР и обретения государственной самостоятельности и независимости.

Сегодня суверенитет является важнейшим, кардинальным институтом конституционного права. Однако, обсуждая проблему суверенитета в ее государственно- и международно-правовом аспектах, нельзя не обратить внимания на тенденцию, получившую распространение в практике нашего государственного строительства. Речь идет о фактическом игнорировании в парламентской, законотворческой, иной государственной деятельности фундаментальных научных обоснований проблемы суверенитета отечественной и зарубежной наукой. Вместе с тем понятие "суверенитет" часто стало употребляться и юристами не в подлинном его значении. Научные дискуссии способствовали уточнению этого понятия. В современных определениях суверенитета выделяются две его общие характерные черты – верховенство государственной власти внутри страны и независимость во внешних отношениях. Несмотря на это, некоторые особенности формулировок позволяют выделить ряд концепций в понимании суверенитета.

Концепция таких авторов, как И.П.Трайнин, А.Я.Вышинский, Л.А.Моджорян, Н.П.Фарберов, Е.А.Коровин, А.И.Лепешкин, Б.Л.Манелис, представляла собой юридическое понимание суверенитета, под которым подразумевалось свойство государственной власти. Характерно, что тезис отождествления государственного суверенитета с государственной властью получил распространение в бывшем СССР эпохи сталинизма, когда понятие суверенитета государства без достаточных оснований переносилось на государственную власть, точнее – на ее высшее звено.

Естественно, что переход к демократическим формам правления в нашей республике знаменует значительное расширение сферы носителей государственной власти как по горизонтали, так и по вертикали. В современном белорусском демократическом государстве, практически реализующем принцип разделения властей по вертикали, не только возрастает количество носителей власти, но и достаточно четко разграничиваются их полномочия. Создается система, в которой каждый орган осуществляет государственные полномочия по строго определенным вопросам. И только вся система в своей совокупности реализует государственную власть в целом. Государственная власть реализуется системой, в которую входят ее органы – законодательные, исполнительные и судебные.

Власть и олицетворяющие ее органы не обладают суверенитетом, поскольку он сопоставим только с государством. Применительно к органам государства можно говорить лишь об объеме властных полномочий. Объем полномочий государственного органа зависит от того, как определены его границы.

В политической системе современного белорусского демократического общества регулирование общественных отношений осуществляют не только органы государства, но и общественные формирования.

Суверенное государство обладает всей совокупностью властных полномочий и свободно их использует. Это значит, что оно имеет возможность в соответствии с установленной им самим процедурой, без вмешательства извне, определять свою внутреннюю и внешнюю политику, но не предполагает отождествления государственного суверенитета с властью, и тем более ее свойствами.

Концепцию "расщепленного" суверенитета выражают парламентские документы, выступления депутатов, публикации в прессе, которые заостряют внимание на "экономическом", "законодательном", "международном", "финансовом" и прочих "суверенитетах". Еще Ж.-Ж.Руссо отмечал, что "из суверена делают какое-то фантастическое существо, составленное из различных кусков". Подобного рода подход, оживший в конце 80-х годов нашего столетия, несостоятелен как в теоретическом, так и в практическом плане. Создается иллюзия о возможности изолированного решения проблемы суверенитета путем обретения его по частям.

Более аргументирована сложившаяся в науке государственного и международного права точка зрения, согласно которой – суверенитет един, хотя верховенство, самостоятельность и независимость государства и его власти могут проявляться в различных сферах государственной и общественной жизни (экономика, законодательство, внутренняя и внешняя политика и др.).

Еще одна концепция признает суверенными только некоторые административно-территориальные единицы. Здесь суверенитет из государственно-правового переместился на административно-территориальный уровень, когда уже областям, районам, поселкам и даже отдельным селам дозволено провозглашать свой суверенитет.

"Парад суверенитетов", выразившийся в принятии некоторыми национально-государственными образованиями и даже властными органами деклараций о государственном суверенитете, часто не согласованных с конституционным и текущим законодательством, как бы юридически санкционировал неисполнение законов и тем самым нарушил систему установленных в государстве правоотношений, способствовал произволу и нарушению прав граждан. Имеются основания утверждать, что несанкционированный "парад суверенитетов" в значительной мере способствовал резкому всплеску межнациональных конфликтов и многочисленным человеческим жертвам на территории бывшего СССР.

Прочно укореняется в общественном сознании и представление о суверенитете личности. С теоретической точки зрения подобное явление вызвано подменой понятий.

Вместо суверенитета административно-территориальных единиц речь должна идти о местном самоуправлении; "суверенитет личности" не должен

заменять общепризнанную концепцию прав человека. Увеличение числа субъектов суверенитета таит в себе немалую опасность для практики государственного строительства, как верно отметил Ю.М. Скуратов: "это ведет к девальвации (утрате смыслового значения) суверенитета, потере им своей определенности, а значит, и ценных политико-правовых свойств"¹.

Согласно устоявшемуся и общепринятому в науке государственного права подходу, субъектами суверенитета могут быть народ, нация и государство. Так, в вузовском учебнике "Советское государство и право" под редакцией профессора А. И.Лепешкина дается определение суверенитета как понятия общего, интегрирующего в себе такие социальные общности, как государство, народ, нация: "К наиболее значительным формам исторической общности такого рода в современный период относятся государство, народ и нация. Каждая из них связывает людей сложными и многочисленными общественными отношениями. Отсюда три разновидности суверенитета, которые действуют одновременно"².

Вопрос о соотношении национального государства, народного и государственного суверенитета в научной и учебной литературе трактуется, по преимуществу, так, будто различие между суверенитетом государственным, народным и национальным сводится к различию субъектов, т.е. соответственно государства, народа и нации. Исходя из этого, различают несколько видов суверенитета: государственный суверенитет, суверенитет нации, суверенитет народа. М.А.Биндер считает, что различные виды суверенитетов взаимосвязаны и поэтому находятся в единстве, но в то же время нельзя отрицать и существование большого количества специфических черт, следовательно, справедливо выделение трех видов суверенитета – народного, национального и государственного³.

Хотелось бы выделить позицию А.И.Лепешкина, который подчеркивает неделимость суверенитета народа, а о суверенитете национальном и государственном говорит лишь как о формах его проявления. "Народный суверенитет воплощается в государственном и в национальном суверенитете. Государственный суверенитет – это не особый суверенитет, параллельно действующий с суверенитетом народа, принципиально отличный от него и имеющий свой особый источник. Государственный суверенитет выступает как бы государственно-правовой формой осуществления народного суверенитета. Формой выражения суверенитета народа в нашем государстве является национальный суверенитет"⁴.

А.И.Лепешкин различает два понятия: суверенность и суверенитет нации, признавая суверенность неотъемлемым свойством нации, а суверенитет – практической реализацией суверенности в конкретных государственно-правовых формах⁵.

Многие авторы согласны с А.В.Матусевичем, который утверждает, что "необходимо разграничить "народный" и "национальный" суверенитеты, приняв за основу факт наличия народа как совокупности людей, существующей под юрисдикцией обладающего суверенитетом государственного образования, и одновременно существования наций как специфических образований, объединяемых общностью языка, культуры, традиций и обычаев"⁶.

Утвердилось в нашей литературе и представление о национальном суверенитете, как о каком-то свойстве или качестве, изначально и неотъемлемо присущем нации как таковой, т.е. нация или народность суверенны всегда, безотносительно к конкретно-историческим условиям ее существования, без суверенитета нет нации или народности. "Национальный суверенитет как определенное свойство присуще каждой нации в силу самого факта ее существования, – пишет С.Р.Вихарев. – Оно неотъемлемо, его нельзя ни придать, ни упразднить, можно только нарушить или восстановить путем лишения или признания самостоятельности нации. Право же на самоопределение – что, в сущности, как уже указывалось, лишь свобода самоопределения, которую нация, как и всякую иную свободу, может использовать, а может и не использовать. Национальный суверенитет возник одновременно с воз-

никновением наций и отомрет вместе с их отмиранием. Как определенной качественной стороной им располагают все без исключения нации, большие и малые, независимо от уровня их развития, а также от того, определилась ли данная нация как отдельное политическое и национальное целое или она находится в составе общего государства с другими нациями"⁷.

Этого же взгляда придерживается М.Б.Садыков. "Национальный суверенитет, – пишет он, – обуславливается всеми объективно свойственными нации внутренними и внешнеполитическими связями. Это качество присуще как уже свободным и полноправным, так и угнетенным нациям. Национальный суверенитет – не внешнее по отношению к нации, не приобретаемая "со стороны" черта, а внутренне присущее ей качество"⁸. Отрицание данного положения неизбежно приведет к выводу о том, что национальный суверенитет должен неразрывно сочетаться с государственным суверенитетом, что не соответствует действительности. Реальным суверенитетом, включающим все необходимые признаки, обладают только те народы, которые в ходе своего самоопределения создали самостоятельные суверенные государства.

Признавая же суверенитет (или суверенность) неотъемлемым свойством нации или народа, необходимо иметь в виду следующие объективные признаки нации: 1) это социальная этническая взаимосвязанная общность людей, достаточно значительная в количественном отношении и способная к самостоятельному историческому существованию и действиям; 2) единый национальный язык как важнейшее средство общения; 3) устойчивая общность экономической жизни; 4) обусловленная этими связями замкнутая территория; 5) общие черты национального характера, проявляющиеся в менталитете людей, в особенностях быта, культуры и традиций нации. На процессы образования нации, народа воздействуют и иные общественные факторы. Понятие нации как определенной социальной общности предполагает наличие всех указанных признаков. Однако ни одно из известных определений нации не включает суверенитет в число ее объективных признаков; неотъемлемое право наций, народов на самоопределение закреплено во всех общепризнанных международно-правовых актах.

Если бы суверенитет действительно представлял собой свойство нации, народа, являлся обязательным признаком понятия нации, то пришлось бы с необходимостью прийти к логическому выводу о том, что все нации, независимо от их фактической свободы и самостоятельности, всегда суверенны. В зависимости же от конкретных государственно-политических, социально-исторических условий нация может быть суверенной или несуверенной.

Таким образом, научное понимание национальных потребностей никак не согласуется с истолкованием национального суверенитета как неотъемлемого свойства, присущего нации. Предпосылкой развития нации выступает потребность в свободе национальной жизни, в освобождении от национального гнета, в политическом самоопределении, предполагающем право на отделение и создание собственного национального государства. Не нация, а вся общественная среда порождает потребность и интересы, которые определенным образом трансформируются в конкретные действия, требования путем реализации в той или иной форме права на самоопределение как органической составной части суверенитета. Она охватывает область политического, государственно-правового самоопределения и имеет действительное, решающее значение во всей системе национальных отношений.

Итак, понятие суверенитета используется в правовой науке, во внутригосударственном и международном праве для характеристики особых, специфических свойств, присущих только государству. Оно отражает наиболее общие черты и особенности любого государства, большого или малого, развитого или развивающегося, унитарного или федеративного, независимо от его политического строя.

¹ Советское государство и право. 1991. №5. С.11.

² Советское государство и право. М., 1971. С.102.

³ См.: Биндер М.А. Конституционные основы национально-государственного устройства СССР. Алма-Ата, 1984. С.64.

⁴ Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. М., 1961. Т.1. С.252–253.

⁵ Он же. Советский федерализм. М., 1977. С. 254.

⁶ Матусевич А.В. Политическая система. Состояние и развитие. Мн., 1992. Т.1. С.112.

⁷ Вихарев С.Р. В.И. Ленин о суверенитете союзных республик. Мн., 1969. С.56.

⁸ Садыков М.Б. Единство интернациональных и национальных интересов в Советском многонациональном государстве. Казань, 1975. С.45–46.

В.Н.САТОЛИН

БРАК И СЕМЬЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Первым известным документом, в котором упоминаются брачно-семейные обычаи восточных славян, является "Повесть временных лет". Древний летописец, говоря о полянах, древлянах, вятичах, радимичах и северянах, указывает на существование у них следующих форм бракосочетания: 1) приведение невесты в жилище жениха ("привожаху вечерь"); 2) похищение в собственном смысле этого слова ("умыкиваху у воды девица"); 3) похищение или увод по предварительному сговору ("и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съ вещаешя").¹

Приведение как форма брака, судя по летописи, первоначально была известна только полянам. Суть этой формы заключалась в "приведении" невесты к жениху, причем вместе с невестой приносили в жилище жениха и приданое.² Можно полагать, что происхождение этой формы брака у полян не чуждо христианского влияния, так как поляне гораздо раньше других восточных славян познакомились с христианством.³

Что же касается непосредственных предков белорусов, то у них, по мнению Н.М.Никольского, наиболее часто бракосочетание совершалось либо путем похищения, либо в форме купли-продажи невесты. Установить с полной определенностью, какая из этих форм древнее, нельзя, хотя в литературе предпочтение отдается точке зрения, согласно которой похищение было первой формой бракосочетания, а покупка – последующей.⁴

Существование браков у восточных славян с использованием похищения невест подтверждается не только древней летописью, но и более поздними свидетельствами. Так, А.Терещенко писал в середине прошлого века о белорусских свадебных обрядах: "Между некоторыми расколами брак не считался действительным, доколе жених не похитил девушку с ее согласия. Такое обыкновение было в употреблении еще недавно в некоторых уездах Витебской губернии: Динабургском, Режицком, Люценском и проч. между раскольниками".⁵

На существование у некоторой части белорусов вплоть до конца XIXв. обряда похищения невест как пережитка, запрещенного церковью, указывает и Н.М. Никольский.⁶

Этнографические данные убеждают, что похищение, "умыкание" не было основным способом заключения браков у наших предков.⁷ Уже в языческую эпоху у них преобладало заключение брака в форме "купи-продажи". Суть этой формы бракосочетания заключалась в передаче (за соответствующую плату) молодой женщины из-под власти родителей или родственников под власть будущего мужа. Процесс бракосочетания четко подразделялся на два действия: 1) "сватовство", т.е. осмотр невесты посторонними лицами и 2) "рукобитие" – заключение "сделки" сторонами, в качестве которых выступали родители жениха или сам жених и родители невесты. Содержание покупки составлял устный договор о величине выкупа и о сроках совершения брака. Плата за невесту была и реальной, которую обычно получал отец невесты, и обрядовой ("выкуп"), которая передавалась либо брату невесты, либо ее подругам, но и обрядовая форма лишь маскировала реальную продажу. С течением времени плата за невесту утрачивает истинное значение и превращается в символический обряд.